

Глава 29. Совсем другой Сяо Цинь (Часть 1)

— Что?! — Фан Дабинь с размаху сел прямо на землю и запричитал на весь лес: — О небо, ты несправедливо! Как же так? Человек очнулся, а рассудок потерял! Совсем дурачком стал!

— Поплачь, поплачь, легче станет. А мы пока пойдём, — Линь Яньюй с обречённым вздохом махнул рукой Старшему брату Фану и потащил Цинь Цзуйкуана вглубь пещеры. — Пойдём, нужно тебя отмыть и переодеть.

«Всё наладится», — успокаивал он себя. Совсем недавно Цинь Цзуйкуан был на волоске от смерти, но ведь выкарабкался? То, что он сейчас не в себе — не беда. Рано или поздно разум вернётся, и он снова станет прежним.

Быстро справившись с первым потрясением, Линь Яньюй принялся возиться с ним, как с малым дитятей. Он привёл его к духовному источнику и долго, на пальцах, объяснял, что нужно делать, прежде чем ему удалось уговорить парня раздеться.

Вообще-то, любой заклинатель мог очистить кожу от грязи одним коротким импульсом духовной энергии, но как объяснишь это нынешнему Цинь Цзуйкуану? Линь Яньюй не оставалось ничего другого, кроме как взяться за дело самому.

За время долгого сна тело Цинь Цзуйкуана ничуть не растеряло былой крепости. Напротив, под воздействием целебной силы Драконьего скального гриба с глазурированным сердцем его кожа на ощупь стала напоминать кусок превосходного тёплого нефрита — гладкая и твёрдая.

Он стоял в источнике, высокий и статный. Над водой клубился густой туман, в котором едва угадывались очертания его рельефного торса. Мышцы мерно вздымались в такт дыханию, а капли воды лениво скатывались по четким линиям тела, разбиваясь о поверхность ключа и пуская по нему тихую рябь.

Рябь пошла не только по воде. Линь Яньюй, бросив пару случайных взглядов, почувствовал, как к лицу приливает жар. Он поспешно отвёл глаза и, низко склонив голову, принялся аккуратно растирать плечи Цинь Цзуйкуана мочалкой.

Тщательно проходясь по каждому сантиметру его кожи, Линь Яньюй невольно изучил все детали его телосложения. К тому моменту, как он закончил, он покраснел до кончиков ушей, а на душе стало совсем неспокойно.

Поторапливая парня, он помог ему выйти из воды и облачиться в новые ученические одежды. Умелым пассом руки Линь Яньюй высушил его длинные чёрные волосы духовной силой и перевязал их лентой.

После всех этих приготовлений Цинь Цзуйкуан выглядел безупречно: благородный, статный

ученик внутренней секты с изысканными манерами.

Но стоило ему открыть рот, как всё очарование мигом улетучилось. Видимо, Линь Яньюй слишком туго затянул пояс, и Цинь Цзуйкуан, жалобно мыча «а-а... а-а...», принялся неуклюже ковыряться в узле.

Глядя на его тщетные попытки, Линь Яньюй вздохнул и снова потянулся к нему, чтобы поправить одежду.

Почувствовав заботу, Цинь Цзуйкуан — точь-в-точь как приручённый зверёк, которому погладили шёрстку — ощутил исходящую от Линь Яньюя доброту и заметно к нему потянулся.

На его лице промелькнула застенчивая улыбка. Внезапно он протянул руку и коснулся груди Линь Яньюя — как раз там, куда сам же ударил его в приступе безумия. Он смотрел с раскаянием, печалью и нежностью. Он принялся осторожно, едва касаясь пальцами, поглаживать ушибленное место.

В голове Линь Яньюя вмиг стало пусто. Там, где лежала чужая ладонь, вспыхнуло яростное пламя, жар которого ударил в самое темя. Словно огненный вихрь пронёсся по телу, обжигая дюйм за дюймом.

— Всё в порядке, мне уже не больно. Не надо, — Линь Яньюй в смятении попытался убрать его руку, но в следующее мгновение Цинь Цзуйкуан просто обнял его. Прижавшись лицом к его груди, он тихо и жалобно захныкал.

Линь Яньюй замер, не зная, что делать. К своему ужасу он понял, что эта близость не вызывает у него ни малейшего отторжения.

Будь это раньше, он бы давно отшвырнул наглеца подальше, но сейчас...

Вместо привычной неприязни в сердце зародилось странное чувство — словно он надкусил недозревший плод: за мимолётной терпкостью последовала бесконечная, обволакивающая сладость.

Что же делать?

Линь Яньюй глубоко вдохнул, пытаясь привести мысли в порядок, и тут он заметил одну деталь.

Прошёл всего месяц, а Цинь Цзуйкуан стал выше него почти на полголовы?

Линь Яньюя взяла досада. Ведь месяц назад они были одного роста! А теперь он ниже, и всё

его былое величие как-то само собой померкло. Знай он, что Драконий скальный гриб с глазурированным сердцем даёт такой эффект, сам бы откусил кусочек.

Пока Линь Яньюй переживал из-за разницы в росте, Цинь Цзуйкуан внезапно отстранился и замер, уставившись в пустоту.

Он нахмурился, и его лицо стало холодным и суровым. Линь Яньюй напрягся.

«Неужели вспомнил? Неужели из-за повреждения души печати на памяти дали трещину?»

Линь Яньюй часто спрашивал себя: зачем он здесь, в этом книжном мире? С самого начала он до смерти боялся предначертанного финала. Он хотел выжить, хотел наслаждаться свободой, а не стать жертвой того, чьё ледяное имя олицетворяло его погибель.

Поэтому поначалу он надеялся, что Цинь Цзуйкуан так и останется бездарным калекой — ведь тогда он никогда не превратится в великое Зло, в главного злодея этой истории.

Он взял его в слуги по двум причинам: во-первых, чтобы лично следить, не пошёл ли тот в рост, а во-вторых — ради «революционного братства». Линь Яньюй надеялся, что если судьба всё же вознесёт Цзуйкуана к вершинам, тот вспомнит их общие трудные времена и проявит милосердие.

Но всё пошло наперекосяк. С его появлением сюжет сорвался с цепи и понёсся по непредсказуемому пути.

Лишь на эшафоте Линь Яньюй узнал, что Цинь Цзуйкуан полюбил его ещё во внешней секте. Что он считал его идеалом чистоты и красоты, и ради него готов был пойти на смерть.

Цинь Цзуйкуан любил всем сердцем, а Линь Яньюй... он лишь строил расчёты.

Но это осталось в прошлом. Теперь всё изменилось.

Теперь он искренне желал, чтобы Цинь Цзуйкуан просто жил. Пусть остаётся в секте Сяньюй, на Пике Алхимии, и они день за днём будут тренироваться вместе.

Стадия Формирования Ядра давала Цинь Цзуйкуану право стать полноценным учеником внутренней секты. Больше никто не посмеет смотреть на него свысока.

В глубине души Линь Яньюй очень не хотел, чтобы тот возвращался в клан Цинь. Стоит ему оказаться там, и от нынешнего простодушного Сяо Циня не останется и следа. Он превратится в Великого жреца союза девяти кланов — ледяного, безжалостного вершителя судеб.

Поэтому, видя, как Цинь Цзуйкуан хмурится и погружается в думы, Линь Яньюй не на шутку встревожился.

Решив отвлечь его, он схватил парня за руку и потащил наружу:

— Пойдём. Я буду учить тебя говорить и писать.

Во дворе Фан Дабинь, хлюпая носом, готовил корм для журавлей и даже не заметил их появления.

Линь Яньюй нашёл ровную площадку с песком, усадил Цинь Цзуйкуана рядом и, взяв веточку, медленно вывел своё имя.

— Повторяй за мной: Линь. Янь. Юй, — он указывал на каждый иероглиф, выкрикивая слоги снова и снова, пока взгляд Цзуйкуана наконец не сфокусировался на песке.

Тот открыл рот, но не смог издать ни звука. От натуги на его лбу выступила испарина.

— А-а... а-а...

— Ну же, Линь...

— А-а...

— Янь...

— А-а...

— Юй...

— А-а...

После долгих мучений Цинь Цзуйкуан начал попадать в ритм только среднего слога. Линь Яньюй разочарованно вздохнул. Ладно, пусть выучит хотя бы один иероглиф!

— Повторяй: Янь...

— Дед...

— Не дед, а Янь!

— Дед...

— Да какой ещё дед?!

В конце концов Линь Яньюй сдался. Он отшвырнул ветку и, закрыв лицо руками, поник.

А Цинь Цзуйкуан, напротив, упрямо уставился на надпись, продолжая свои попытки.

— А-а... дед... а-а...

Линь Яньюй уже почти задремал, обхватив колени руками, когда над самым ухом раздался чистый, звонкий голос:

— А-Янь.

Линь Яньюй застыл. Обернувшись, он встретился взглядом с сияющими глазами Цинь Цзуйкуана.

Он слегка улыбнулся и с какой-то озорной ноткой повторил:

— А-Янь?

— Ты заговорил?! — Линь Яньюй подпрыгнул от радости. — А ну-ка, скажи ещё что-нибудь!

Но Цинь Цзуйкуан лишь понурился и снова выдал своё привычное «а-а...».

Он смог запомнить только «А-Янь».

Линь Яньюй не расстроился. Снова приободрившись, он поднял ветку:

— Ладно, А-Янь так А-Янь, всё равно это моё имя. Теперь давай учить твоё.

Вскоре Линь Яньюй снова опустил руки. Цинь Цзуйкуан наотрез отказывался запоминать своё

имя. Более того, он явно ленился и вёл себя куда хуже, чем когда учил имя «А-Янь».

— Ну и ну, — возмутился Линь Яньюй, сердито отбрасывая ветку. — Теперь я понимаю, почему тебя все задирали. «Цзуйкуан» означает «самый дерзкий», а ты, будучи простым слугой, носил такое имя! Конечно, всем это не нравилось.

Цинь Цзуйкуан придвинулся ближе и, заискивающе дергая Линь Яньюя за рукав, принялся нашептывать ему в самое ухо:

— А-Янь, А-Янь, А-Янь...

От этого нежного шёпота сердце Линь Яньюя окончательно растаяло. Весь гнев испарился.

— Ну всё, всё, не лисьничай. Я не сержусь.

Солнце уже клонилось к закату. Опасаясь, что Цинь Цзуйкуан выкинет ещё какой-нибудь фокус, Линь Яньюй поднялся и потянул его за собой:

— Пойдём в пещеру. Я наварю тебе целебных пилюль. Сначала возьмём травы.

Цинь Цзуйкуан послушно кивнул и, словно верный пёс, зашагал следом, не отставая ни на шаг.

В лучах заходящего солнца их тени, сплетаясь, тянулись далеко по земле.

Линь Яньюй понял, что снова ошибся. И он, и мастер Даньхао — все они круглосуточно заблуждались.

Цинь Цзуйкуан потерял рассудок? Стал дурачком? Да ничего подобного!

Всего за три дня, без всяких уроков, он умудрился нахвататься слов из обрывков фраз Яньюя и разговоров с другими людьми. Теперь он мог вполне сносно изъясняться.

Если он дурачок, то девяноста процентам учеников внутренней секты пора пойти и убиться об стену.

Но ещё больше пугала его скорость культивации. Она росла не по дням, а по часам. Каждый раз, когда они вместе медитировали в пещере, Линь Яньюй с содроганием чувствовал, какая чудовищная мощь пульсирует в теле Цинь Цзуйкуана.

Казалось, вместе с сознанием к нему вернулся и его пугающий талант. Отныне он не был тем заурядным, невзрачным слугой — теперь он стал гением, способным тягаться с самим Линь Яньюем.

Характер его стал замкнутым. Наедине с Яньюем он ещё мог разговориться, но при Фане Дабине или ком-то постороннем застывал немым истуканом.

Из-за этого Фан Дабинь постоянно причитал: «Бедный Сяо Цинь... Лицом похорошел, а в голове — пустота. Жалко-то как...» Он не давал ему делать никакой тяжёлой работы, заставляя только отдыхать.

В итоге сложилась странная ситуация: Цинь Цзуйкуан буквально приклеился к Линь Яньюю.

Днём, во время медитаций, это было ещё терпимо — каждый сидел в своём углу. Но стоило наступить ночи, как начинались проблемы. Цинь Цзуйкуан наотрез отказывался уходить к себе. Он запрыгивал на кровать Линь Яньюя, нагло отнимал край подушки и укладывался под бок.

— Твоя кровать вон там! Чего ты ко мне лезешь? Тут тесно!

Сердце Линь Яньюя пускалось вскачь. Ему было не по себе, и он изо всех сил пытался столкнуть соседа.

Но Цинь Цзуйкуан быстро научился хитрить. Он лежал неподвижно, словно каменная глыба, игнорируя все уговоры и просьбы.

В конце концов Линь Яньюй вспылил и пинком отправил его на пол. Он прибрал к рукам всю подушку, демонстративно отвернулся к стене, подставив парню спину.

Цинь Цзуйкуан сел на полу, положил подбородок на край кровати и принялся тыкать пальцем в спину Яньюя, жалобно призывая:

— А-Янь...

Линь Яньюй молчал. Но Цзуйкуан не сдавался. Через минуту — снова тычок и тихий зов:

— А-Янь...

Это повторялось бесконечно. Наконец Линь Яньюй не выдержал и тяжело вздохнул:

— Ладно, залезай.

Не успел он договорить, как кровать содрогнулась — горячее тело мгновенно прижалось к нему.

— А ну стоять! Не смей!

—...

— Если ещё раз протянешь руки — вылетишь на свою койку в ту же секунду!

—...

После долгой «позиционной борьбы» Линь Яньюй, стоя на страже своих границ, всё же не позволил Цинь Цзуйкуану обнимать себя во сне. Он был уже на грани взрыва:

— Ты когда-нибудь угомонишься?!

Цинь Цзуйкуан послушно зажмурился, обхватил себя руками и забормотал:

— Понял, А-Янь. Я слушаюсь, А-Янь...

Глядя на его несчастный, обиженный вид, Линь Яньюй не знал, злиться ему или смеяться. В конце концов он всё же подвинулся, уступая край подушки.

— Всё, спи уже.

— Угу.

<http://bllate.org/book/17424/1659706>